

Г. А. ГУКОВСКИЙ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В НЕМЕЦКОМ ЖУРНАЛЕ XVIII ВЕКА¹

В нашей историко-литературной науке до сих пор еще до конца не преодолено старозаветное представление о «провинциальности» русской литературы XVIII столетия, о том, что она, мол, отставала от Запада и потому была мало интересна Западу и не известна ему. Конечно, за последние годы подобные взгляды не высказываются прямо, но они фактически еще пользуются влиянием и объективно выражаются как в понимании некоторыми литературоведами фактов русского словесного искусства XVIII в., так и в самом направлении исследований в этой области. Так, в ряде популярных сводок учебного и массового характера, суммирующих результаты прежних работ, наблюдается стремление по старинке интерпретировать русскую поэзию на протяжении целых шестидесяти лет от Ломоносова до Державина включительно как поэзию классицизма, хотя исследования советских ученых доказали, что классицизм в России, как и в Западной Европе, распался под ударами передовых литературно-идейных течений той эпохи уже начиная с 1760—1770-х годов. Понятно, что придерживаться в этом вопросе точек зрения дореволюционной либеральной науки это значит признавать, что русская литература в 1760—1790-е годы непоправимо отставала от западной, плелась в хвосте, была за-

¹ Настоящая статья была написана покойным проф. Г. А. Гуковским в 1939 году; при подготовке к печати в 1948 году она была пересмотрена автором и дополнена некоторыми новыми данными. Печатается она в этой последней редакции. Появившаяся в 1956 году статья Ульфа Лемана «Deutsch-russische Wechselseitigkeit in deutschen und russischen Zeitschriften des 18. Jahrhunderts» (Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956, стр. 247—255) лишь в самой незначительной мере совпадает по материалу с публикуемой работой Г. А. Гуковского. — *Прим. Ред.*

поздалым эпигонством, повторявшим «зады» западной культуры; ведь всем, даже не исследователям, а популяризаторам, должно быть известно, что передовые явления западной литературы, начиная, во всяком случае, с 1750-х годов (и даже несколько ранее), стоят уже за пределами классицизма; достаточно вспомнить имена Мариво, Ричардсона, Фильдинга, Грея, Руссо, Дидро, Клопштока, Лессинга и многих других. Почему же мы должны думать, что только русские люди топтались на пройденном уже давно участке общеевропейского идейно-художественного пути? Почему мы должны считать, что не только Ломоносов и поздний Сумароков, но еще Фонвизин и Державин так убийственно отставали? Не есть ли это признание отсталости, зависимости, несамостоятельности, беспомощности всей русской литературы XVIII века и в то же время повторение непростительных ошибок Алексея Веселовского и иже с ним при нежелании ознакомиться с фактами? Факты, исследованные советскими учеными, устанавливают бесспорно, что русская литература уже к середине XVIII века выступила как самостоятельная сила, и, считаясь с опытом Запада, сама могла уже показать Западу немало такого, чего там не было. В этом — одна из причин быстро растущего на Западе интереса к русской литературе. Те литературоведы, которые настаивают на устойчивости на протяжении XVIII века в русской литературе классицизма, обычно не интересуются вопросом о выходе русской литературы этой эпохи за рубежи нашей страны, на Запад, предпочитая думать (тоже по старинке), что Западу нечего было почерпнуть из России в те времена. Впрочем, — на всякий случай, чтобы чего не вышло, — они чаще всего умалчивают и о фактах обратного порядка, об интересе русских писателей XVIII века к передовым явлениям западных литератур, о широком и принципиальном обмене идей между Россией и Западом вообще. Так и получается, что русская литература в XVIII веке иной раз все еще выглядит в наших популярных курсах как какой-то вымороженный участок, как застойный пруд, лишенный исторического движения, как глухая провинция, куда не доносятся известия из «центра» и которую этот «центр» нисколько не интересуется. Между тем, Россия уже к середине XVIII века на самом деле сама стала одним из подлинных центров европейской литературной культуры, и следовало бы уже давно заинтересоваться вопросом о том, насколько широко и глубоко знали русских писателей той эпохи на Западе. Разумеется, для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо произвести немало разысканий, новых исследований, — а это более трудно и требует больше усердия, времени и знаний, чем повторение суждений

Алексея Веселовского и А. Н. Пыпина в сочетании с А. И. Незеленовым или даже В. В. Сиповским. Знакомство же с обильным фактическим материалом западной литературы, критики, журналистики удостоверяет, что и во Франции, и в Германии, и (в меньшей степени) в других странах Западной Европы русская литература в XVIII веке была известна вовсе не мало и не поверхностно — и по переводам, и по критическим откликам, и через русских людей, пропагандировавших родную поэзию.

При этом важно подчеркнуть, что это знакомство Запада с русской литературой, интерес и внимание к ней, серьезный учет того, что делают русские писатели, начинается вовсе не в конце столетия, вовсе не с того времени, когда ода Державина переводилась на все главные языки Европы, когда слух о Радищеве прошел по всем странам ее, когда о Карамзине заговорили во всех столицах, а гораздо раньше, во всяком случае уже с 1750-х годов. Научные труды Ломоносова были вовсе не неизвестны его современникам на Западе; наоборот, они вызывали отклики, споры или восхищение среди специалистов-современников далеко за границами России. Знали на Западе и о поэтическом творчестве Ломоносова. Но и другие русские писатели, начиная с Кантемира, несколько раз издававшегося в переводах, и по-французски, и по-немецки, были известны, привлекали внимание, вызывали похвалы и стремление подражать им. Думается, что именно этот ранний период знакомства Запада с русской литературой XVIII века, наименее изученный наукой, представляет значительный принципиальный интерес. Поэтому могут быть не безразличны и те материалы, которые приводятся ниже.

С 1751 года начал выходить в Лейпциге под редакцией и при ведущем участии известного Готтшеда, главы немецкого классицизма, ежемесячный журнал под названием «Новости изящных наук» («Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit»). Журнал являлся органом не менее известного Лейпцигского общества свободных искусств (Die Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig), председателем которого был Готтшед. Значение этого журнала, недооцененного буржуазной наукой и в Германии и за ее пределами, было незаурядно. Служа органом умеренно-либеральной буржуазной научной общественности, он пользовался известностью во всех странах Европы. Литературный консерватизм Готтшеда не мешал ему быть весомым авторитетом, особенно в научных кругах Германии. В основном «Новости» — журнал критический, дававший отчеты и рецензии о книгах, вышедших как в Лейпциге и вообще в Герма-

нии, так и за ее пределами. Художественной прозы журнал не печатал вовсе, но среди критических отзывов он помещал целые самостоятельные статьи, главным образом литературоведческого и исторического содержания, а также стихотворения. Печатал он также от времени до времени известия о событиях в Лейпцигском обществе свободных искусств и другие того же рода (впрочем, таких известий весьма немного). Журнал издавался регулярно (по 12 выпусков в год) до 1762 года включительно; всего вышло 12 томов-годов. Не место здесь подвергать рассмотрению весь материал этого интересного с историко-литературной точки зрения журнала Готтшеда и его литературной группы; сейчас нас интересует то обстоятельство, что в этом журнале обильны и обстоятельны материалы, относящиеся к русской литературе, что этот журнал удостоверяет не только наличие живого, активного интереса к русской литературе, но и осведомленность в ней. Он удостоверяет наличие тесных и налаженных связей русской литературы с Западом, в данном случае — с Саксонией. Он удостоверяет также, что саксонские литераторы нисколько не могли смотреть на русскую культуру, им современную, как на некое экзотическое или отсталое явление, и что они, наоборот, следили за ней с уважением и нередко с восхищением. Следует тут же указать на то, что в нашем распоряжении есть немало материалов, раскрывающих связи русской литературы с саксонским культурным центром и помимо готтшедовских «Новостей»; но в настоящей публикации я займусь материалами именно этого журнала, оставляя пока другой материал в стороне.

Материалы о русской литературе появляются почти с самого начала издания готтшедовского журнала. Уже в апреле 1751 года (стр. 259—266) Готтшед помещает рецензию на лондонское издание (1750 года) французского перевода сатиры А. Д. Кантемира, сопровождаемое обширной биографией русского поэта. Появление в 1749 году первого издания этого перевода было незаурядным событием в литературной жизни Запада. Эта книга, явившаяся в результате напряженного интереса к русской жизни и культуре, в свою очередь способствовала еще большему росту этого интереса. Вся она была освещена искренним уважением к благородному русскому деятелю. То обстоятельство, что книга эта возникла в кругу передовых просвещенных людей Запада, вблизи Монтескье, еще более поднимало ее значение. Книга разошлась быстро, и спрос на нее потребовал нового издания уже в следующем году. В этой рецензии Кантемир оценен весьма высоко. «Это был человек совершенно исключительных дарований и великой учености, который делал честь

своему отечеству во многих областях. Он был ревностным поборником и продолжателем установлений Петра Великого, — и тем горестнее оплакала его Россия». Вообще Готтшед является восторженным поклонником Петра I; это видно и в его журнале; это засвидетельствовано было еще в 1725 году первым стихотворным произведением Готтшеда, принесшим ему известность, — его одой на смерть Петра.

Далее статья о Кантемире вся написана в тонах панегирика. Затем рецензент, т. е. скорей всего, Готтшед (бывший, видимо, автором всех или, во всяком случае, почти всех рецензий в журнале) говорит, что о сатирах Кантемира можно дать понятие только, если привести хоть одну из них в переводе; «мы надеемся, что наши читатели найдут в ней поистине каницевский, т. е. тонкий и изящный вкус, и надеемся, что нам предложат и другие, переведенные таким же образом». Далее идет стихотворный перевод одной из сатир Кантемира, выполненный александрийским стихом. Это — VI сатира. Вот начало перевода:

*Der lebt wohl recht beglückt, der ruhig und zufrieden
Mit wenig Gütern ist, die ihm das Glück geschieden.
Von allem Grame frey, der andre Menschen schreckt,
Geht er die Tugendbahn, bis ihn der Sarg bedeckt.
Ein kleines Landhaus ists, wo ich das alles ärnte,
Was mein Verlangen stillt, das ich beschränken lernte;
Bey Tischen mittler Art, und der Ergötzlichkeit,
Wo ein erlesner Freund mir den Verdruß zerstreut. . .*

Перевод сатиры заключает 200 стихов (у Кантемира — 162 стиха); сделан он с французской прозы.

В том же 1751 году в августе (стр. 547—558) в «Новостях» была помещена большая статья-рецензия на книгу отца Антиоха Кантемира, князя Дмитрия Константиновича; это — статья о немецком переводе (с английского) книги «Geschichte des osmanischen Reiches, nach seinem Anwachse und Abnehmen beschrieben von Demetrie Kantemir, ehemaligen Fürsten in der Moldau» (Гамбург, 1748; второе издание — Бреславль, 1751). В статье книга весьма расхвалена. Здесь рассказана история латинской рукописи книги, привезенной сыном автора, Антиохом, в Лондон, где в 1737 году вышел ее английский перевод, выполненный Тиндалем (Magister Tindal) с его же примечаниями. Далее сообщается, что в 1743 году вышел французский перевод Жонкьера (Jonquières) в четырех томах, но этот перевод совершенно исказил текст Кантемира, изложив серьезную книгу в легком тоне, — так что автор стал неузнаваем; к тому же во французском переводе много пропусков. Затем

рецензент (Готтшед) дает анализ немецкого перевода и подробную биографию Д. К. Кантемира, наконец — перечисление его сочинений. Тут же — ссылка на то, что о его сыне недавно говорилось в журнале в связи с сатирами последнего.

Следующая по времени статья, связанная с Россией, опять касалась Кантемиров. Это была напечатанная в 1752 году в июле (стр. 503—519) статья-рецензия на немецкий перевод сатир Антиоха Кантемира (с приложением других переводов и собственных произведений) Генриха Эбергарда барона фон Шпилькера (Н. Е. Freyherr von Spilker), вышедший в Берлине в 1752 году с предисловием Милиуса. Рецензент начинает так: «Наши читатели вспомнят сведения о сатирах князя Кантемира и образец их, которые мы сообщили приблизительно год назад. Теперь мы имеем удовольствие сообщить, что наше тогдашнее желание исполнено. В самом деле, нашелся отважный барон, владеющий пером столь же умело, как и шпагой, который перевел на немецкий язык все пиесы русского князя». Вслед за вступлением рецензент «Новостей» излагает предисловие Милиуса и статью самого Шпилькера о жанре сатиры и ее истории. Между прочим, Шпилькер пишет: «Германия — слишком рабская страна, чтобы своим дубовым воображением воспарить до идеи исправления нравов» («ist gar zu sklawisch um seine hölzerne Einbildung bis auf Verbesserung des Sitten schwingen»). Рецензент робко возражает, что это сказано «немножко слишком жестко» и что в Германии все же были сатирики.² Из этих замечаний, как и из понимания сатиры в кругах классиков-просветителей вообще, явствует, что перевод Кантемира делался вовсе не только ради любопытства: сатирами русского поэта хотели исправлять немецкие нравы; у Кантемира искали уроков и поддержки в борьбе с общественными пороками, примера для исправления «дубового воображения».

Журнал пересказывает подробно биографию Кантемира (ее дает и переводчик в своей книге); здесь говорится: «В России уже задолго до этого (т. е. рансе Кантемира) были рифмованные песни и стихи; но до него все же не был известен ни один

² Отмечу, что Шпилькер состоял в деятельной переписке с Готтшедом, см.: W. Suchier. Gottsched's Korrespondenzen (Sonderdruck aus dem Jahrbuch der Gottsched-Gesellschaft, B. 7 und 8, б. г.). Из данных о Г. Э. Шпилькере, собранных в книге Я. Бима: Jacob N. Beam. Die ersten deutschen Übersetzungen englischer Lustspiele d. XVIII Jahrh., Hamburg und Leipzig, 1906 (Theatergeschichtliche Forschungen, XX, стр. 59—61), видно, что в библиотеке Лейпцигского университета находятся 17 неизданных писем Шпилькера к Готтшеду (между 21 марта 1751 года и 23 января 1752 года), в значительной степени посвященных переводу «Сатир» Кантемира, и что инициатором этого издания был именно Готтшед.

поэт, кроме секретаря Петербургской Академии наук Тредиаковского, который написал несколько од и эпиграмм (Sinngedichte) в похвалу двора. Но эта поэзия была весьма несовершенна, и ее язык смешан с многими иностранными словами. Князь Кантемир отважно (herzhaft) изгонял их из своего языка³ и доказал, что он (т. е. русский язык) достаточно богат. Он нашел также последователей в других князьях и знатных людях. Он решился также впервые писать стихи без рифм — в переводе Анакреона и писем Горация, которые также имели успех; таким образом, он окажется со временем русским Орфеем и Аполлоном». Как видим, Кантемир превознесен в ущерб Тредиаковскому; Ломоносов не учитывается вовсе; зато выдвинуты князь и «знатные», т. е., конечно, кн. Н. Ю. Трубецкой, вероятно, кн. А. Л. Долгорукий, а затем — Сумароков, Херасков, Елагин и люди их круга. Готтшед ориентируется в русской литературе на определенную группу, условно и, конечно, далеко не точно объявляя ее патроном Кантемира. Едва ли здесь играли роль сословные пристрастия и предрассудки. Готтшед был писателем, покорным своему курфюрсту, хотя и не лишенным буржуазного либерализма; но он всем существом своим сближался с Сумароковым и его друзьями и отталкивался от Ломоносова и всего того, что он мог связать с ним. Борьба Сумарокова и его школы с Ломоносовым и Тредиаковским в глазах Готтшеда, конечно, была той же борьбой, которую он сам и его журналы вели, с одной стороны, против духа Возрождения (Гюнтер), с другой — против новшеств «швейцарцев» и Клопштока. Может быть, наиболее ненавистен ему был поэтому на Западе Мильтон, поэт Возрождения и в то же время знамя и кумир круга Клопштока. Так или иначе, Готтшед разбирался вполне хорошо во внутренних соотношениях русской литературы и видел в ней силы, для него значительные, к которым он и обращался в поисках союзников.

В 1753 году «Новости» поместили две статьи о книгах, появившихся в России. Первая из них — это отчет о втором томе «Новых комментариев Петербургской Академии наук» («*Novi commentarii Academiae Imperialis Petropolitanae Scientiarum*»); том помечен 1751 годом, но, видимо, вышел только в конце 1752-го. Рецензия, помещенная в февральском номере (стр. 120—128), начинается так: «Это новый том сочинений

³ Отмечу, что и Готтшед усердно изгоняет варваризмы из своего языка. Даже месяцы на титульных листах своего журнала он называет на «старонемецкий» лад: Wintermond, Hornung, Lenzmond, Ostermond и т. д. вместо: январь, февраль, март, апрель.

знаменитой Петербургской Академии наук»; далее излагается содержание тома.

В сентябрьском номере 1753 года (стр. 684—691) напечатана статья-рецензия на французский перевод «Синава и Трувора» Сумарокова. Эта рецензия, без сомнения, принадлежит редактору журнала, т. е. Готтшеду. Выписав титул книжки,⁴ Готтшед начинает с восхищения успехами молодой, послепетровской литературы, достигшей уже «одной из труднейших вещей в области человеческого ума, а именно трагедии <...>. Один наш друг, прибывший из Петербурга, подарил нас подобной редкостью, которая притом напечатана весьма опрятно. При всем том, это только французский перевод, но и он проистек из русского пера. И то и другое достопримечательно; после стихотворений князя Кантемира ничего не заслуживает так наше внимание, как это. Куда денется теперь философия климата, столь излюбленная французами, которые хотят связать дух и ум народов непременно с климатом, в котором они живут, или с условиями земли, на которой они существуют? Эти столь же поверхностные, сколь и неосновательные суждения и без того уже давно опровергаются примерами датских, шведских, норвежских, исландских, даже лапландских поэтов» и т. д. Мы узнаем из этих строк, что у Готтшеда были личные связи с Россией, позволившие ему быть в курсе русских литературных дел, помимо и сверх печатных источников. Что же касается полемики с климатической теорией Монтескье и других, то она вызывала отпор и со стороны русских писателей. Вспомним «Стихи Дюку Браганцы» Сумарокова (1774):

... иной ученый говорит:

Климат горячий нам писцов таких <т. е. великих писателей> творит;

Но ложно он вещает;

Вить солнце так, как юг, и север посещает.

Где Вильманшtrand, я там во близости рожден,

Как был Голицыным край финский побежден, —

Пиита ль та страна России обещает?

Не сказывал мне сей весьма холодный край,

Хоть я родился там, и сверх того во мразы,

От пиитической беги, беги заразы,

И в холоде родясь, на лире не играй:

Да кто могла из муз когда внести в рассказы

Такое слово мне,

Что наш прикован ум к какой-нибудь стране?..

⁴ Перевод Долгорукова выполнен в прозе. Об этом переводе «Синава» пишет Штелин в своей известной «Записке». (См. в кн.: Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 163).

Вслед за приведенными выше суждениями о климате Готтшед дает изложение пьесы Сумарокова, отмечая попутно точное выполнение правил (это, конечно, импонирует Готтшеду), давая прозаические переводы отдельных отрывков диалога. Отмечу такие замечания рецензента: «Отсюда видно, как естествен ход мыслей, как благородны и живы образ мыслей и выражения герсев...», или: «Из этого изложения первого действия видно, что связь тем и сцен прекрасно соблюдена. Характеры и нравы также вероподобны, по крайней мере, согласно нашим нравам, — хотя можно было бы усомниться, что русские князья, в особенности древних времен, могли иметь столько мягкосердечия и нежных склонностей. В последующих действиях это обнаруживается еще отчетливее, поскольку всё произведение клонится к изображению нежной любви, столь же почтительной, сколь сильной, и столь же стыдливой, сколь живой...».⁵ В заключении статьи Готтшед ставит Сумарокова в образец немецким драматургам, окончательно обнаруживая тем самым, во-первых, отсутствие недооценки русской поэзии, а во-вторых, свою солидарность с литературной позицией Сумарокова. Он пишет: «Мы можем только похвалить все расположение этого произведения. Мы должны сказать больше. Мы должны поставить этого русского поэта в пример нашим вечным перелазгателям иностранных творений. Почему немецкие поэты не могут найти трагических героев в нашей собственной истории и вывести их на сцену, тогда как русский нашел таковых в своей истории?»

Напомню кстати, что перевод «Синава и Трувора» вызвал весьма хвалебную рецензию и в парижском «*Journal Etranger*» (1755, avril, стр. 114—156).⁶

⁵ Замечание о нежности древних князей явно соотносится с упреками, которые делали современники (м-м де Севинье, Робине, Визе, Сегре и др.) Расину в том, что у него в «Баязете» турки слишком изысканны, Митридат — тоже, да и Ипполит в «Федре» слишком галантен. В контексте с Расином упрек Готтшеда Сумарокову может звучать почти как комплимент.

⁶ См. перевод этой рецензии в «Ежемесячных сочинениях» (т. II, 1758, стр. 507); перевод сделан Г. В. Козицким. См. письмо Сумарокова к Екатерине II от 1 февраля 1770 года в «Русской беседе» (1860, стр. 230). Н. Н. Булич (Сумароков и современная ему критика, СПб., 1854, стр. 85—87) полагал, что рецензия в «Новостях» — перевод французской рецензии в «*Journal Etranger*». Булич ошибался. В своем переводе рецензии Козицкий выпустил пассаж о жестокости Петра I и — очень немного — подкрасил ее; так, он переводит: «Сие есть содержание нравоучительного монолога, который обильно украсил автор хорошими изречениями...» (выражений, выделенных разрядкой, в подлиннике нет). Перевод Козицкого был перепечатан в «Полном собрании сочинений» Сумарокова (т. X, 1781 и 1787).

В 1754 году «Новости» опубликовали одну статью, присланную из России и говорящую о России (июль, стр. 520—533). Это — статья петербургского академика историка Г. Ф. Миллера «Bedenken über zwei Vermählungen, womit das Geschlecht der alten Grossfürsten von Russland vermehret werden wollen. Im Jahre 1754».

К статье Готтшед сделал примечание: «Насколько нам известно, это сочинение принадлежит г-ну проф. Миллеру в Петербурге и должно быть там напечатано. Оно препровождено нам с тем намерением, чтобы мы, напечатав его в „Новостях“, сделали его несколько более известным». В самом деле, эта статья Миллера была опубликована на русском языке в «Ежемесячных сочинениях» в февральском номере 1755 года. («Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными писателями в род великих князей всероссийских»; анонимно).⁷

Отмечу факт сотрудничества Миллера в журнале Готтшеда. Миллер был лично близок к Сумарокову, печатал его обильно в «Ежемесячных сочинениях», т. е. поддерживал его в литературе, печатал и его друзей и учеников, И. П. Елагина, М. М. Хераскова, А. А. Нартова (младшего), А. А. Ржевского. Это был деятель культуры близкой к Сумарокову ориентации и, наоборот, находившийся во враждебной к Ломоносову позиции. Журнал Готтшеда недавно превознес Сумарокова — теперь он печатает статью Миллера. В Петербурге явно считали этот журнал близким себе именно люди сумароковского круга. Примечание Готтшеда к этой статье подтверждает также наличие прямых связей между ним и петербургскими литераторами. Вероятнее всего, он получил статью и непосредственно от Миллера и, следовательно, очень хорошо знал, кому принадлежит статья.⁸

В 1755 году материалы о России встречаются в апрельской книжке «Новостей». Прежде всего здесь (стр. 263—276) помещен отчет о немецком переводе английской книги, содержащей описание путешествия И. Ганвея по России и Персии. В отчете

⁷ Это — ученая историческая статья о родословии великих князей XI—XII веков. Повод к написанию ее указан был еще митр. Евгением Болховитиновым в «Словаре русских светских писателей» (т. II, М., 1845, стр. 80—81), где сообщено и то, что эта статья была напечатана «на немецком языке без означения имени сочинителя» (что неточно), но где напечатана — не указано. Кроме опубликования в журнале Готтшеда, статья Миллера была напечатана по-немецки отдельно в числе 200 экземпляров в Петербурге в том же 1754 году (П. П. Пекарский. История императорской Академии наук, т. I. СПб., 1870, стр. 408—409).

⁸ В Архиве Академии наук СССР (Ленинград) хранится 8 писем Готтшеда к Миллеру за 1756—1761 годы и 12 отпусков писем Миллера к Готтшеду. — *Прим. Ред.*

говорится о России и в конце — о «чуде нашего и будущих времен, царе Петре I», о коем в рецензируемой книге «сообщено много редкостных и секретных известий». Затем, в том же номере дан отчет об издании того же Лейпцигского общества, которое выпускало «Новости» («Sammlung einiger ausgesuchten Stücke der Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig. Zweiter Theil», Leipzig, 1755). В этом «Собрании некоторых избранных пьес» помещена была «переведенная с русского языка трагедия „Синав и Трувор“, взятая из древнерусской истории и сотворенная настоящим русским по всем правилам театра. Трудно было бы отличить ее от произведения, переведенного с французского. Переводчик этой трагедии — господин Келльнер из Вайсенфельса» (стр. 292).⁹ Из этого сообщения мы узнаем, что Штелин был неточен, говоря в своей «Записке» о трагедии «Синав и Трувор», что в 1756 году проф. Готтшед в своем ежемесячном издании «Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit» поместил ее, переведенную прекрасными немецкими стихами. Затем мы можем дополнить некролог Сумарокова, в котором сказано, что трагедия «Синав и Трувор» переведена на немецкий язык стихами Тимофеем Ивановичем Остервальдом и многократно играна на немецком театре.¹⁰ Перевод Остервальда, если он действительно существовал, был, следовательно, не единственным. Замечу здесь же, что фразу «Новостей» о том, что «Синава» трудно отличить от французских трагедий, вероятно, следует толковать как признание точного соответствия русской трагедии правилам классицизма, что не звучало порицанием в журнале Готтшеда.¹¹

⁹ В книге «Sammlung...» перевод занимает стр. 81—148 и озаглавлен: «Sinav und Trovor, ein russisches Frauenspiel aus der französischen Uebersetzung verdeutscht von C. G. Köllnern aus Wiessenfels». В тексте Трувор пишется не Trovor, а Truvor. Перевод сделан александрйским стихом.

¹⁰ Сокращенная повесть о жизни и писаниях... А. П. Сумарокова. «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, январь, стр. 44.

¹¹ В дополнение отмечу, что в том же сборнике Лейпцигского общества была напечатана, по словам рецензии, «прекрасная ода г-на Иог. Готфр. Рейхеля, воспевающая в горести хвалу божеству. Это, несомненно, новая тема для поэта... Мы можем без лести сказать, что эта ода совершенно хороша; и без нынешних погрешностей поэтических новаторов она мужественно сильна и полна новых мыслей» (стр. 293—294). Речь идет о Иог. Готфр. Рейхеле, том самом, который потом преподавал в Московском университете и был учителем и другом молодого Фонвизина. Итак, мы узнаем, что он писал стихи, — притом с успехом, притом в кругу готтшедовской школы. В 1756 году (август, стр. 622—626) И. Г. Рейхель напечатал в «Новостях» письмо к некоему пастору Фуксу с антикритикой и полемикой по поводу одной критической статьи самого Рейхеля. Не следует смешивать с магистром Иог. Натанаэлем Рейхелем, поэтом того же времени и круга, тоже участником общества Готтшеда и печатавшимся в его изда-

Начиная с 1756 года связи журнала Готтшеда с Россией и интерес его к русской литературе явно оживляются, а уважение его к «новой» России, и без того значительное, крепнет. К этому были свои весьма серьезные основания. Хотя столицей Саксонии был Дрезден, но главным культурным центром этого государства, отчасти и благодаря своему университету, и благодаря развитию книгоиздательского дела, был именно Лейпциг. В годы, предшествовавшие семилетней войне, саксонское правительство установило дружественные отношения с Россией, фактически шедшей к союзу с Францией и Австрией против Пруссии, в то время как усиление Пруссии беспокоило саксонских властителей. Это обстоятельство не могло не способствовать интересу к России и ее культуре в среде ученых литераторов Лейпцига. Следует напомнить также, что Саксония имела устойчивую политическую связь с Польшей, так как еще с 1697 года (и вплоть до 1763 года) она была соединена с ней личной унией: саксонский курфюрст был одновременно польским королем. Это в свою очередь сближало саксонских деятелей со славянскими. Но особенное значение приобрела Россия, и уже не только для «верхов» Саксонии, а и для всего населения ее, начиная с августа 1756 года. 29 августа этого года войска Фридриха II без предупреждения перешли границу Саксонии и довольно быстро оккупировали ее. Это было начало семилетней войны. Саксония де-факто оказалась союзницей России, Австрии и Франции в войне против прусских захватчиков. Реальное участие Саксонии в войне как военной силы было незначительно, так как Фридрих держал ее в своих руках, но тяжесть войны пала на Саксонию в весьма большой степени: военные операции из года в год протекали именно на ее территории, страна была вконец разорена, население ее ограблено пруссаками, которые вели себя в Саксонии более чем распущенно, людей гибло, по пропорциям и понятиям того времени, довольно много. Между тем спасение могло прийти только из России. Франция воевала в Европе чрезвычайно вяло, так как ее интересовало совсем другое: борьба с союзной Фридриху II

нии. Вероятно, именно ему принадлежит большая философическая ода, помещенная в «Новостях» в декабре 1753 года (стр. 930—932) с подписью «J. Reichel», впрочем, не исключено и авторство И. Г. Рейхеля. В собрании писем к Готтшеду в Лейпцигском университете хранится множество писем И. Г. Рейхеля; см.: W. Suchier. Gottscheds Korrespondenten. Alphabetisches Absenderregister zur Gottschedschen Briefsammlung in der Universitätsbibliothek Leipzig (Sonderdruck aus der Kleinen Gottsched-Halle, Jahrbuch der Gottsched-Gesellschaft). В. 7 und 8. Berlin, 1912, стр. 60.— Все эти письма относятся ко времени до переезда Рейхеля в Москву.— *Прим. Ред.*

Англией за колонии. Австрийцев Фридрих безнадежно бил на полях сражений; между тем русская армия, овеянная славою Полтавы, готовилась к битвам, а затем, выступив в поход, и на самом деле не один раз громила войска Фридриха и к концу 1761 года привела его на край полной гибели. Явно, что в Саксонии надежды на освобождение обращались к России. Отсюда, естественно, значительный интерес в кругах саксонской интеллигенции и к русской культуре, к русской литературе — свидетельству необыкновенно быстрого и могучего роста русского общества. Следует заметить, что Готтшед и его товарищи, видимо, страдали от разделения и отсталости Германии, от ее жалкого и беспомощного положения под властью сотен более или менее мелких и крупных тиранов, дравшихся между собою, предававших народ и продававших его оптом и в розницу, презиравших народ, его язык, его культуру (вспомним презрение к немецкому языку и литературе Фридриха II, даже писавшего всегда на французском языке). Готтшедовский журнал старался, где мог, выдвинуть идею единой немецкой культуры. Видимо, в этой мечте о единстве духовной жизни Германии, о преодолении ее средневековой раздробленности лейпцигские литераторы обращались мыслью к России как покровителю, на которого они готовы были ориентироваться. С другой стороны, в России общественное мнение было направлено против Пруссии и в защиту оккупированной и угнетенной Саксонии. В «С.-Петербургских ведомостях» 1756 и 1757 годов печатались материалы о зверствах пруссаков в Саксонии, о грабежах и «наглостях, из которых одна другую бесчеловечностию превосходит». В редакцию «Ежемесячных сочинений» было прислано из Москвы стихотворение, в коем говорилось, что

король прусский в гордых мыслях пребывает <...>
 <...> И безвинно бедную Саксонию разоряет.
 Бедные крестьяне дневной пищи почти не имеют,
 А немилосердным пруссакам отказать ни в чем не смеют...¹²

Понятно, что русские писатели и культурные деятели, обращаясь по тем или иным делам на Запад, к Германии, адресовались именно к Саксонии, поскольку Пруссия Фридриха II была врагом, с которым шла война. А в союзной Саксонии не только работал не лишенный известности Лейпцигский университет, но

¹² См. примечание М. И. Сухомлинова к «Сочинениям Ломоносова» (т. II, изд. Академии наук, 1893, стр. 153—154 и сл., 196 и сл.). Автор указанных стихов подписался «Матвей. К.»; конечно, это — известный Матвей Комаров.

и целая школа писателей, группировавшихся вокруг профессора университета Готтшеда. Так установились довольно тесные связи между русскими деятелями культуры и лейпцигцами, установилась своего рода традиция культурного общения. Очевидно, эта же традиция объясняет и то, что именно в лейпцигский университет был направлен учиться в 1763 году молодой брат фаворита Владимир Орлов, а потом, по его возвращении в Россию, по его следам, целая группа молодых русских дворян, среди которых были и А. Н. Радищев, и Ф. В. Ушаков, и А. М. Кутузов. Между прочим, В. Г. Орлов в Лейпциге лично общался с Готтшедом¹³ (Радищев и его товарищи приехали туда уже после смерти Готтшеда).

В журнале Готтшеда за 1756 год мы встречаем целый ряд материалов, связанных с Россией. В февральском номере (стр. 141—147) помещен отчет о немецкой брошюре, содержащей описание фейерверка в Петербурге перед домом гр. П. И. Шувалова. Готтшед восхищен блеском, красотой, «возвышенностью» искусства аллегорических фейерверков в Петербурге. Он хвалит и составителя данной брошюры — академика Штелина. Именно Штелин и прислал эту брошюру Готтшеду. Надо заметить, что Штелин, довольно ловкий дипломат, не был так враждебен Сумарокову, как его великий друг Ломоносов (что видно и из его известной «Записки» и из других материалов). Позиция Штелина в борьбе русских литературно-идейных течений не могла на первых порах помешать его общению с Готтшедом. Штелин с давних пор был хорошо знаком лично с Готтшедом; он был сам некогда лейпцигским литератором. Он жил до этого некоторое время в Дрездене, столице Саксонии, после чего прожил несколько лет (1732—1734) в Лейпциге, где учился в Университете, в котором преподавал Готтшед. Здесь он занимался не только науками, но и поэзией и издал стихотворный перевод наследия Сафо вместе с греческим текстом, а также ряд других переводов с итальянского и французского. Здесь же Штелин зарекомендовал себя как искусный составитель аллегорических иллюминаций. В 1735 году Штелин отправился в Россию по приглашению президента Академии наук Корфа. Штелина, без сомнения, хорошо помнили в Лейпциге. Так, еще в 1755 году в сборнике произведений А. Г. Кестнера (1719—1800),¹⁴ известного математика, с 1746 года — про-

¹³ В. Орлов-Давыдов. Биографический очерк гр. В. Г. Орлова, т. I. СПб., 1878, стр. 16.

¹⁴ Кестнер сам был членом Общества свободных искусств в Лейпциге. Он вступил в него в 1741 году. См. в нижепоименованном сборнике Кестнера стихотворение «Ob eine Gesellschaft, die Sprache zu verbessern, durch

фессора Лейпцигского университета, поэта 1730—1750-х годов, близкого к группе Готтшеда, вместе с ним боровшегося против «швейцарцев»,¹⁵ некогда сотоварища Штелина по студенчеству в Лейпциге, была помещена пародия-двустушие на штелинский перевод Сафо.¹⁶ Должно отметить, что пародии Кестнера — дружеские: он пародирует Иоганна Элиаса Шлегеля,¹⁷ близкого кругу Готтшеда, Геллерта, Галлера (но больше всего Гагедорна). Новейший биограф Штелина сообщает, что он вступил в переписку с Готтшедом, своим бывшим учителем, в 1755 году.¹⁸ Между прочим, Готтшед просил Штелина сообщать ему об интересных новинках русской литературы.

В мае того же 1756 года Готтшед начал печатать большую статью Г. Ф. Миллера на историческую тему «Von Ursprunge der Kosacken» («О происхождении казаков»). К заглавию он сделал примечание: «Эта статья прислана нам». Конечно, статью прислал сам Миллер, который некогда учился в Лейпцигском университете, и в частности у Готтшеда, как об этом сообщают его биографы Бюшинг и митрополит Евгений.¹⁹ Впрочем, это известие не совсем ясно. Дело в том, что Миллер учился в Лейпциге в 1724—1725 годах и уже 5 ноября 1725 года прибыл в Петербург на службу в Академию наук, а Готтшед, тогда еще молодой человек, приехал в Лейпциг тоже лишь в 1724 году и начал свои чтения только с начала 1725 года. У нас есть свидетельства о том, что именно в середине 1750-х годов Миллер возобновил свои отношения с Лейпцигом. Он вступил в пе-

offentlichen Ansehn müsse berechtigt werden. Beym Eintritte in die Leipziger deutsche Gesellschaft, den 12 des Heumonats 1741 vorgelesen», стр. 105.

¹⁵ См. в том же сборнике на стр. 187—188 эпиграммы-пародии на новаторскую гекзаметрическую поэзию школы «швейцарцев».

¹⁶ «Vermischte Schriften von Abraham Gotthelf Kästner». Altenburg, 1755, раздел «Parodien», стр. 202—203. Источник пародии указан: «Sappho nach Stählins Uebersetzung».

¹⁷ Иоганн Элиас Шлегель был не чужд соотношений с русской литературой. Сумароков (в своем «Ответе на критику» 1750 года, Полн. собр. соч., М., 1782, т. X) цитирует его трагедию «Hermann» на правах солидарности и без упоминания имени автора, т. е. считая, видимо, трагедию общеизвестной. У Шлегеля есть пародийная ода 1740 года, близкая по эстетической идее и всему складу к «Вздорным одам» Сумарокова; эта ода Шлегеля адресована актеру Кольгарту (Kohlhart), в это время уезжавшему в Петербург по приглашению двора Анны Ивановны (об этом идет речь в оде) — см.: J. E. Schlegel, Werke, Th. IV, Kopenhagen und Leipzig, 1766, стр. 179—181.

¹⁸ K. Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählins, Königsberg i/Pr. und Berlin, 1926, 385—390.

¹⁹ Büsching. Beyträge zu der Lebensgeschichte... Halle, 1785, стр. 5. — Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. I, М., 1845, стр. 55.

реписку с Готтшедом, письма которого хранятся в миллеровских «портфелях».²⁰

Миллер был посредником Шувалова между новооткрытым Московским университетом и Готтшедом при приглашении из Лейпцига в Университет преподавателей (Рейхеля, Дильтея, Кельнера).²¹

По-видимому, он ввел заочно Сумарокова в Лейпцигское общество свободных наук,²² хотя для этого были и другие возможные пути. Статья Миллера о происхождении казаков печаталась в «Новостях» в течение трех месяцев (май, стр. 380—392; июнь, стр. 431—441; июль, стр. 489—502). П. П. Пекарский сообщает об этой публикации: «Сделанные там на стр. 386 и 439 примечания не понравились Миллеру, и он послал к Бюшингу объяснение о словах: фрязи и немцы, которое этот напечатал в „Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen“, III, 146—148. Статью о казаках поместил Бюшинг в первой части своей „Erdbeschreibung“, а Миллер напечатал, с некоторыми прибавлениями, в „Ежемесячных сочинениях“ 1760 года, апрель, 291—334, и в „Sammlung russischer Geschichte“, V. IV».²³

В той же майской книжке журнала Готтшеда помещена еще одна статья, присланная из России, имеющая прямое отношение к русской литературе. Это — отчет о «Ежемесячных сочинениях» за январь 1756 года (стр. 392—394). Перед ним выписан титул книги по-русски латинскими буквами, с передачей звучания слов (например: «Diea Fsech», т. е. «для всех», «Fsanctpeteburge»), а затем немецкий перевод титула. Статья начинается так: «Таков титул — по-русски и по-немецки — остроумного (einer witzigen Monatschrift) ежемесячного журнала, выходящего в Петербурге целиком на русском языке. Всякий, кто в качестве гражданина мира принимает участие в росте образованности и свободных искусств, узнает с удовольствием, что и в этом народе, где за 50 лет нельзя было и думать ни о каких науках, теперь процветают даже изящные искусства...»

Далее идет перевод оглавления с добавлениями, а именно:

1. «Описание и изъяснение фейерверка, представленного в первый вечер 1756 года» — добавлено: «господина надворного

²⁰ В свою очередь два письма Миллера к Готтшеду хранятся в библиотеке Лейпцигского университета (одно из них — от 26 марта 1756 года), см.: W. Suchier. Gottsched's Korrespondenten, стр. 54. См. выше прим. 8. Прим. Ред.

²¹ П. П. Пекарский. История императорской Академии наук, т. I, стр. 369.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 410.

советника Штелина». Должно отметить, что в тексте «Ежемесячных сочинений» имени Штелина нет; «изъяснение» же фейерверка — это русские стихи, которые не мог написать Штелин.

2. «Перевод речи, говоренной на немецком языке в Геттингенском университете» — название переведено более полно, по стр. 14 журнала, и указано, что автор — «Д»; на стр. 14, в заглавии речи, в «Ежемесячных сочинениях» дано полное имя автора: Александр Демидов.

3. «Микромегас, повесть философская» — добавлено «Вольтера».

4. «Притчи» — так: «Sechs äsopische Fabeln, in russischen Versen, von dem Obersten A. S.» (подпись «А. С» есть в журнале под текстом, но «полковник» добавлен).

5. «Скаска» — так: «Eine moralische Erzählung vom Irus und Tocharis Major Jel...» (в тексте журнала подпись «И. Е»; название — и в тексте журнала, как и в оглавлении, — «Скаска»).

6. «Письмо к Г. В...» — дано так: «Poetisches Sendschreiben an den Grafen W. über das Glück geruhiger Zeiten, und die erwünschte Regierung Ihrer russisch — kaiserl. Maj. vom Rath. L.» (и в оглавлении и в тексте журнала — только «Письмо к Г. В. ...» и подписи нет).

7. «Показание некоторых заблуждений, случающихся при наблюдении теплоты телесной и охранении от простуды» (так в тексте «Ежемесячных сочинений») дано так: «Anmerkungen über die nothwendige Unterhaltung der Wärme und Ausdünstung des menschlichen Leibes, nebst Mitteln die schädlichen Verkältungen zu verhüten vom Prof. S.». В тексте «Ежемесячных сочинений» в конце: «Продолжение следовать будет впредь»; подписи нет.

8. «Рассуждения о смерти» («Betrachtung über den Tod vom Ass. N») — в тексте «Ежемесячных сочинений» подпись: А. Н.

Таким образом, в заметке раскрывается авторство: целиком Штелина и сокращенно советника Л. и профессора С.; кроме того, уточнены подписи Сумарокова и Елагина. Нет сомнения в том, что автором самой этой заметки является именно Штелин, раскрывший свое инкогнито и даже заодно приписавший себе русские стихи; если эти стихи — перевод стихов Штелина, всякий другой, вероятно, назвал бы и переводчика. Штелин, к тому же сотрудничал в «Новостях» и впоследствии.²⁴

²⁴ Авторство Штелина явствует и из того, что именно он послал Готтшеду номер «Ежемесячных сочинений», об этом сообщает Карл Штелин (K. Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählins, стр. 387).

Вслед за оглавлением журнала в рецензии сказано: «Таково расположение этого журнала. Часто находятся там также статьи о торговле, об экономических вопросах, об искусствах и ремеслах, но еще чаще — стихи на моральные темы тамошних поэтов... Часто появляются значительные статьи о древней русской истории, как и по истории соседей русских... Большая часть произведений в этом журнале присылается любителями отсюда же, из Москвы и других русских городов. Менее всего пишут члены или профессора Академии. Некоторые прекрасные статьи взяты из английских, лейпцигских и гамбургских журналов и переведены на русский язык академическими и иными переводчиками. Но при историческом собрании Академии обеспечивается выбор произведений, помесячное продолжение этого журнала, так же как печатание и издание в свет. Каждый месяц стоит 20 копеек, или 5, или 6 зол. грошей, а весь год с включением пересылки 2¹/₂ рубля».

Статья Штелина о «Ежемесячных сочинениях» не только немедленно стала известна в России, но и вызвала полемическое выступление против нее. Ответ на эту статью прислал в тот же журнал Миллер, как это видно из дальнейшего.

В декабре (1756, стр. 949—950) в «Новостях» опубликована анонимная заметка «Известие из Петербурга» следующего содержания:

«Петербургские Ежемесячные сочинения, о которых короткое известие находится на стр. 392, выходят с начала 1755 года под редакцией господина проф. Миллера, императорского русского историографа и конференц-секретаря при Петербургской Академии наук, профессора истории, члена Английского общества наук в Лондоне и Общества свободных искусств в Лейпциге. Каждый член Академии по своему желанию в этот журнал вносит свои труды, одни в виде оригинальных произведений, другие в виде извлечений из чужих сочинений и переводы; присылаемого же посторонними весьма мало. По поводу оглавления сочинений января 1756 г. следует заметить следующее. № 2 — речь, сказанная в Геттингене и переведенная на русский яз., принадлежит г-ну Александру Демидову, молодому русскому дворянину, который обучался тогда в Геттингене. № 4 — помещенные здесь басни — не эзоповские, а также не полковника, а бригадира Александра Сумарокова. № 5 — Нравственный рассказ об Ирусе и т. д. — не оригинал. Это — Ирус г-на Рабенера, переведенный на русский язык г-ном майором Елагиным. № 6 — Стихотворное послание к графу В. советника Л. Оно и не к графу и не советника Л. Автор его — Адриан Дубровский, учитель в здешней гимназии. Послание адресовано

Г. В. Однако Г. обозначает здесь не Граф, но Господин, а В. означает Воронцова. Правда, вице-канцлер Воронцов теперь пожалован в графы «это произошло в 1744 году, — Г. Г.», но его братья — нет, а у них есть сыновья, к одному из которых и обращено это послание. № 7. Замечания о необходимом поддержании тепла и т. д. — принадлежит не проф. С. Заглавие это может быть уточнено по 7-ой части „Гамбургского магазина“, где помещен оригинал г-на Д. Ундера, — что и указано при помещенном в февральском номере продолжении и окончании этой статьи. № 8. О смерти Асс. Н. — то же ошибка. Это — тоже перевод из какого-то немецкого еженедельного журнала. Переводчики забывают иногда указывать свои источники; и на это не обращается особого внимания, хотя оригиналы обычно представляются мне вместе с переводами (*ob mir gleich die Originale mit hingeliefert zu werden pflegen*), — с тем, чтобы я, и другие, которым это поручено, могли судить о качестве перевода. В конце этого перевода о смерти стоят лишь инициалы А. Н., которые означают: Андрей Нартов; он был тогда еще кадетом; ныне он — лейтенант артиллерии».

Авторство Миллера, тщательно выписавшего свои титулы, по отношению к этой статье не вызывает сомнений: в конце статьи он прямо говорит о себе как редакторе «Ежемесячных сочинений» от первого лица. Следовательно, поправки, внесенные здесь к рецензии Штелина, вполне авторитетны. Однако смысл этой полемики между двумя петербургскими академиками не сводится к фактическим расхождениям. Первый автор подчеркнул в своей заметке, что в русском журнале, издающемся при Академии наук, менее всего печатают свои труды члены Академии, что печатаются здесь дилетанты со стороны, что журнал печатает усиленно труды своего редактора — Миллера, что, наконец, ответственно за все эти обстоятельства «Историческое собрание Академии», т. е. историограф Миллер. Это был весьма серьезный выпад, по-видимому, из круга Ломоносова; в самом деле, Ломоносов вообще не печатался в «Ежемесячных сочинениях»;²⁵ наоборот, там усердно помещали произведения Сумарокова и писателей и поэтов его круга: Елагина, Хераскова (из Москвы — о чем пишет Штелин) и других, и сам Миллер печатал себя. Понятно, что Миллер счел необходимым про-

²⁵ Категоричность утверждения Г. А. Гукковского опровергается фактом, установленным покойным Л. Б. Модзалевским в 1947 году: в первой же книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 год было помещено стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает». См. статью: Неизвестное стихотворение М. В. Ломоносова. «Вечерний Ленинград», 1947, 16 июля. № 164. Кроме того, см. «Ежем. соч.», 1764, сентябрь. — *Прим. Ред.*

тестовать против выпадов этой заметки. Он ответил, что Миллер, мол, не самоуправен в журнале, что он — лицо официальное в качестве ответственного сотрудника именно Академии наук; что члены Академии печатаются в журнале и никто не мешает им помещать в нем свои труды; что посторонние, наоборот, весьма мало печатаются в журнале; он опорочивал сведения заметки Штелина, доказывая его фактическую неосведомленность в вопросе о журнале; наконец, в заключение он снимал с себя единоличную ответственность за руководство журналом, указывая, что в редактировании его принимают участие еще какие-то лица, которым это поручено (это его сообщение — новость в наших сведениях о «Ежемесячных сочинениях»).

Вся заметка Миллера, находившегося во враждебных отношениях с Ломоносовым и поддерживавшего дружеские отношения с Сумароковым, представлявшего недругам Ломоносова широкое место в своем журнале, дышит раздражением.

В сентябрьском номере «Новостей» (стр. 719—720) опубликовано сообщение о годовом собрании Лейпцигского общества свободных искусств; здесь сказано, что открытого собрания провести было нельзя из-за беспокойных событий, т. е. из-за войны. Но Общество отметило этот день принятием новых почетных членов; тут же дан список этих почетных членов; первым назван гр. И. А. Залуский, знаменитый ученый собиратель книг и рукописей,²⁶ вторым — граф Сольмс, русский дипломат, бывший посол в Саксонии и Польше, в 1756 году ставший уже действительным тайным советником русской службы.

Третьим в списке — «Господин Александр Сумароков, русский (russisch kaiserl.) бригадир из Петербурга». Ниже в том же списке — Штелин и, вслед за ним, Миллер.

Отмечу, что Сумароков и другие русские литераторы были избраны не членами Общества (как писался титул Сумарокова в России), а почетными членами, что и понятно по отношению к лицам, находившимся столь далеко. Диплом за подписью Готтшеда и других, выданный на имя «его высокоблагородия г-на Александра Сумарокова русского высокого бригадира» 7 августа 1756 года, опубликован Д. Д. Языковым в 1885 году.²⁷

²⁶ С гр. Залуским у Готтшеда были и личные отношения. Я видел книгу «Sammlung einiger Ausgesuchten Stücke der freyen Künste zu Leipzig» (Theile I—II. Leipzig, 1754—1755), подаренную Готтшедом в 1756 году Залускому.

²⁷ «Исторический вестник», 1885, май, стр. 445—446 («Новые материалы для биографии Сумарокова»).

Разумеется, обстоятельство, что во время войны, когда Саксония была оккупирована пруссаками, Общество Готтшеда выбирает своими членами деятелей русской культуры и публикует об этом, выразительно. То же продолжалось и дальше. В «Новостях» за март 1757 года (стр. 231—233) было помещено опять извещение об избрании в члены и почетные члены Общества свободных искусств, происшедшем 5 марта. В списке избранных — на первом месте «его высокоблагородие господин Александр Елагин, русский полковник, муж, имеющий высокие заслуги перед изящными науками своей нации» (почему Иван Перфильевич превратился в Александра — неясно). Затем в списке есть Штрубе де Пирмонт, член Петербургской Академии наук.

Избрание Елагина вслед за Сумароковым и Миллером еще раз подчеркивает, что в России Общество Готтшеда ориентировалось на сумароковское направление.

Вслед за списком избранных членов в журнале помещена заметка об избрании Штелина членом королевской Мадридской академии, затем тут же рассказывается о том, что И. И. Шувалов затребовал у Готтшеда двух молодых ученых для преподавания в Московском университете немецкого языка и наук, и о том, что по рекомендации Готтшеда, Шувалов согласился принять И. Г. Рейхеля и Х. Г. Кельнера. «Они заключили договор на 3 года, получают жалованье в 400 т. (талеров?) ежегодно, и отбывают туда в месячный срок, поскольку значительная сумма на путешествие уже получена ими». Посредником между И. И. Шуваловым и Готтшедом в приглашении сотруди-ников для Московского университета был тот же Миллер.²⁸

Еще раньше избрания Елагина и Штрубе де Пирмонта сочленами Общества в февральском номере «Новостей» была помещена рецензия на работу Штрубе, долженствовавшая познакомиться лейпцигцев с трудами этого ученого (стр. 127—131).

В октябрьском номере журнала за тот же 1757 год опять повторены имена избранных за год сочленов Общества, и среди них опять первый — «господин Александр <?> Елагин и т. д.» (стр. 838).

Сумароков, избранный почетным членом Лейпцигского общества, видимо, счел себя обязанным установить с ним прямую творческую связь. В декабрьском номере «Новостей» помещено большое его стихотворение в немецком переводе. Вот его название, как оно дано в журнале Готтшеда (1757, декабрь, стр.

²⁸ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. I. М., 1855, стр. 403.

946—951): «Ода с русского оригинала его высокоблагородия господина Александра Сумарокова, русского императорского бригадира и почетного члена Лейпцигского общества свободных искусств, на немецкий язык переведенная Остервальдом, капитан-лейтенантом Петербургского шляхетского кадетского корпуса». ²⁹

Стихотворение это не было опубликовано на русском языке и доселе вовсе не было известно историкам русской литературы:

ODE,

aus dem Russischen,
des hochwohlgeb. Hrn. Alexanders Summarokoff, russisch-kaiserl. Brigadiers, und der Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig Ehrengliedes, verdeutschet von Osterwald, Capitain-Lieutenant des adelichen Cadetten-Corps zu St. Petersburg

Was stellst du noch durch schlaue Blicke,
Dich unverändert und getreu?
Was schmäuchelst du mir mit dem Glücke,
Als ob ich nicht vergessen sey?
Ach! dein erzwungenes Bezeigen,
Die Unruh, dein zerstreuter Sinn
Sind deiner Untreu sichre Zeugen,
Ich seh, daß ich verrathen bin!

Du denkst nicht mehr an das Versprechen,
Dadurch dein Herz sich mir verband.
Du willst das theure Band zerbrechen,
An dem ich Trost und Freude fand.
Du findest nicht mehr in deinem Herzen
Den Trieb, den Du für mich genährt;
Du fühlst nicht mehr die sanften Schmerzen,
Die nur ein liebend Herz erfährt.

Wo seyd ihr hin, beglückte Stunden!
Die ihr so oft, an Doris Brust,
Mir als ein süßer Traum verschwunden,
Wo seyd ihr, Stunden froher Lust!
Wo seyd ihr, kurze Augenblicke?
Kaum sah ich eure Wollust ein:
So flieht ihr schon von mir zurücke,
Und überlaßt mich herber Pein.

Wie oft hat nicht mein Herz voll Zagen
Mein Unglück mich voraus gelehrt:

²⁹ Тимофей Иванович Остервальд (род. в 1729 году), учившийся сам в Шляхетном кадетском корпусе, был одним из кадетов, организовавших известный корпусный театр под руководством Сумарокова, и одним из молодых любителей-актеров и литераторов, учеников и почитателей Сумарокова. Как уже говорилось выше, Остервальду, видимо, принадлежал перевод на немецкий язык «Синава и Трувора».

Wie oftmals hörst Du mich nicht sagen:
 Ich weis, ich bin nicht deiner werth.
 Du wußtest, durch dein Händedrücken
 Mich von dem Zweifel zu befreyn;
 Und ich, ich ließ mich leicht berücken,
 Ich glaubte auch geliebt zu seyn.

Mein Leben floß in stillen Freuden,
 So lange Du mein Glück gemacht.
 Getrost ertrug ich jedes Leiden,
 Wann ich an deine Liebe dacht.
 Itzt hab ich alles eingeübet,
 Da Du Dich mir entzogen hast;
 Ein Leben, das Du mir versüßet,
 Wird ohne Dich mir nur zur Last.

Wo nur ein Funken in Dir lodert,
 Der Glut, die mich so sehr ergötzt,
 Wo meine Treu Vergeltung fodert,
 Die Treu, die Du an mir geschätzt:
 So bitt ich Dich um jene Zähren,
 Die wir einander abgeküßt;
 Mir das Geheimniß zu erklären,
 Was meines Unglücks Ursach ist.

Beweis Dich hierinn noch bewogen,
 Und zeige mir aus Mitleid an:
 Was hat mir deine Huld entzogen?
 Was ists, das Dich erzürnen kann?
 Wie? hätt ich Dir wohl Grund gegeben?
 Wärs möglich? Himmel! sprich! doch nein!
 Mein Herz, das Dir so sehr ergeben,
 Regierte ja dein Wink allein.

Wie hätt' ich Dich beleidgen können?
 Vielleicht durch meine Zärtlichkeit?
 Doch nein! die ist nicht Schuld zu nennen;
 Sie hat Dich sonst an mir erfreut.
 Wenn gleich mein Blick von Eifer brannte,
 Und ich zu klagen mich erkühnt,
 Wenn Dich ein andrer reizend nannte,
 Dies hat mir deinen Zorn verdient.

Du lobtest noch die bangen Triebe;
 Wenn ich bekümmert zu Dir trat:
 Du sprachst: Dieß zeigt von deiner Liebe.
 Wenn ich beschämt um Gnade bath.
 Dieß ists nicht, was Dich mir entwendet;
 Nein! nein! ein andrer Gegenstand,
 Der hat dein flüchtigs Herz geblendet,
 Und mir Ruh, Glück und Trost entwandt.

Wie? fängt dein Herz nicht an zu schlagen?
 Klagt es Dich keiner Untreu an?

Hörst Du nicht dein Gewissen sagen:
 Ich hab ihm doch zu viel gethan!
 O! folge, folge diesem Zeugen,
 Verstopfe nicht für ihn dein Ohr;
 Er kann die Untreu nicht verschweigen;
 Er wirft sie Dir beständig vor.

O könntest Du die Quaal empfinden
 Die mir von deiner Untreu stammt:
 Vielleicht wird sich die Glut entzünden,
 Die sonst in deiner Brust geflammt.
 Will sieh kein Mitleid in dir regen?
 Ach sich! mein Herz, an Dich gewohnt,
 Eilt deiner Herrschaft schon entgegen,
 Die stets in meinem Herzen thront.

Kehr um! woferne noch die Reue
 An dein verletzt Gewissen schlägt;
 Kehr um! Du findst dieselbe Treue,
 Die sonst mein Herz für Dich gehezt.
 Komm, lindre meine bange Schmerzen,
 Zu denen Du die Ursach bist;
 Komm! nimm den Platz in meinem Herzen;
 Der Dir allein gewidmet ist.

Noch kannst Du... Doch vergebnes Hoffen!
 Dich rührt nicht mehr mein heißes Flehn.
 Der Unglücks-Streich ist eingetroffen.
 Der Streich, den ich vorher gesehn.
 Statt jenes Glücks, das meiner Seelen
 Vordem die schönste Lust geschenckt,
 Wird die Verzweiflung jetzt sie quälen;
 Wenn sie an dich zurück gedenkt.

Nun dann! so willst Du mich verlassen?
 Du willst es; lebe stets beglückt!
 Du willst mein treues Herze hassen;
 Ein Herz! in das dein Bild gedrückt.
 Ein Herz! das niemals falsch zu nennen;
 Das niemals sich verändern kann:
 Ein Herz! ja lern es erst recht kennen,
 Es bethet dich, auch untreu, an!

Трудно сказать, почему Сумароков не опубликовал своей «Оды» (или «Песни») по-русски. Содержание ее — любовное. Может быть, оно звучало слишком интимно и среди русской публики могло привести к разговорам насчет отношений самого Сумарокова с его первой женой, Иоганной Христиановной (как известно, Сумароков впоследствии разошелся с нею).

В 1758 году Готтшеду и руководимому им обществу и журналу пришлось нелегко. До этих пор они как бы не замечали

прусской оккупации и довольно явно выражали свои симпатии к России. В начале же этого года им пришлось изменить поведение. Еще в конце 1757 года в Лейпциг приехал сам Фридрих II и принялся наводить порядок в умах саксонских литераторов. Готтшеду приходилось вилять и даже заискивать перед победителем. Он наполняет номера журнала сведениями о Фридрихе II. Между прочим, в мартовском номере «Новостей» помещена (стр. 188—193) заметка о стихах Вольтера против Фридриха II («O Salomon du Nord») и в частности против военной политики его в семилетнюю войну. Готтшед возмущен этими стихами.

Напомню при этом, что именно это стихотворение перевел еще в конце 1756 года Ломоносов. Следует указать также, что в стихотворении Вольтера Фридрих обвиняется, между прочим, в том, что «*Et déjà du Leipsick tu vas briser les portes*»; этот стих переведен Ломоносовым так: «Ты Лейпцигски врата внезапно разрушил» (прусские войска захватили Лейпциг 29 августа 1756 года).

Готтшед послал эти же стихи Миллеру в Петербург. Тот препроводил их Рейхелю в Москву, и Рейхель сделал три перевода их.³⁰ В июне (стр. 434—436) журнал Готтшеда дает описание траурного украшения, которое было устроено в саксонской столице — Дрездене, в католической церкви по поводу смерти «королевы польской»; напуганный пруссаками Готтшед не упомянул даже, что эта самая королева польская — в то же время и его, саксонская, курфюрстина; видимо, он готов был уже забыть о существовании саксонского государства.

Однако, как только это оказалось возможным, Готтшед вспоминал и о саксонских курфюрстах, и о России, и вообще о том, что Лейпциг — не прусский город.

Такое поведение Готтшеда объясняет, почему и как он посреди своих уверений по адресу Фридриха II все же помещал, хоть и немного, в 1758 году материал о России. Так, в апрельском номере (стр. 311—319) он напечатал статью «Некоторое известие об основанном в Москве русском императорском университете».

Сообщив официальные данные об основании Московского университета, Готтшед вслед за тем печатает письмо к нему Кельнера из Москвы:

О себе могу я вашему высокоблагородию сообщить, что я еще здоров и до сей поры моими обстоятельствами все еще весьма доволен. Я должен

³⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. II. М., 1855, стр. 341.

считать особенным благодеянием судьбы, что я никогда не был так здоров и что для меня никогда время не протекало так быстро, как в России. Уже почти год прошел, и он протек быстрее, чем я мог когда-либо это себе представить. Я все еще продолжаю мои регулярные лекции по всеобщей истории. Я положил в основание их Фрайерово Введение во всеобщую историю, хотя я, — поскольку наши студенты еще не знают немецкого языка, — должен излагать по-латыни как эти положения, так и самую лекцию. Помощь в моей работе оказывает мне, конечно, здешняя университетская библиотека, в которой уже имеется значительный запас исторических книг по всем частям истории и которая и сейчас ежедневно увеличивается ценнейшими и редчайшими книгами, на что его превосходительство г-н куратор нашего Университета не жалеет никаких затрат. О наших студентах я должен сказать, что я нашел среди них способнейшие головы; а так как это благодеяние природы соединяется у них еще с усердным и неутомимым прилежанием, — то они, обладая двумя столь необходимыми для ученого качествами, подают о себе наилучшую надежду.

Кроме моих регулярных обязанностей, к которым меня обязывает моя профессия, я теперь еще перевожу, — по желанию г-на капитана фон-Меллисино, «Инесу де Кастро» Ла Мотта. Этот г-н капитан — брат нашего г-на директора, друг бригадира Сумарокова, большой любитель поэзии, и особенно трагической. И из-за этой его любви он взял на себя надзор над немецкой труппой в С.-Петербурге; для использования этой труппой и должна быть переведена на немецкий язык «Инеса де Кастро», так как она на французском получила одобрение ее величества.

Осуществление предложения, сделанного вашим высокоблагородием насчет отмены русских букв, сопряжено с большими трудностями; не говоря о том, что так как весьма немногие из здешней нации знают знаки латинских букв, введение их принесет несравнимо большие трудности, чем сохранение обычных русского алфавита, которые уже всякий знает, но я не вижу также, чем хоть в малейшей мере может быть облегчено этим изучение русского языка для иностранцев. Допустим, что при этом легче будет читать русский текст; но разве благодаря этому легче будет понимать его? К этому надо прибавить, что это изменение представляется почти невозможным. Русские имеют, как ваше высокоблагородие сами знаете, несравнимо большее число букв, чем остальные европейские нации. Их число доходит до 41; и все-таки ни одна из них не излишня в этом языке, так как, хотя многие из них на первый взгляд кажутся имеющими одинаковый звук, но в устах русского они на слух различаются друг от друга более, чем явно; это было одним из первых наблюдений, которые я сделал в России. Имеется даже много слов, которые, если даже относительно их допустить, что они в произношении совершенно одинаковы, все же имеют различное значение, в соответствии с тем, пишутся ли они с тем или иным буквенным знаком, хотя эти буквы все одного рода, т. е. все как будто бы означают С или все — Т.³¹ Вот я и не вижу, где можно набрать в латинском или даже польском алфавите буквы, которые бы могли полностью выразить существенное разнообразие всех этих русских букв, лучше замечаемое в произношении, чем обозначаемое знаками. Далее, я должен сказать вашему высокоблагородию, что русский никогда не согласится, что в его буквах есть нечто неправильное. И я должен с ним почти согласиться, особенно когда я смотрю на новые, чистые и аккуратные литеры, которыми теперь пользуются для печати как в С.-Петербурге, так и здесь в Москве, и прилагают все усилия,

³¹ Перевод этой фразы сделан совершенно точно. Вероятно, какая-то ошибка произошла при печатании немецкого текста. — *Прим. Ред.*

чтобы постоянно делать их все более красивыми. Все дело только в том, чтобы привыкнуть к ним, — и тогда их, конечно, еще гораздо легче переварить, чем арабские, сирийские и даже строчные греческие. По крайней мере даже внешний вид обнаруживает большую правильность в русских буквах, чем в тех. То, что, наконец, подобным изменением можно навлечь на себя в некотором отношении такие же неприятности, каких мог бы ожидать в Германии тот, кому пришла бы в голову мысль напечатать еврейскую Библию или Новый завет немецкими литерами, — это, говорю я, такой вопрос, который я нарочно более обстоятельными объяснениями не хотел бы более прояснять. Я предпочитаю предоставить непосредственный ответ на это предложение г-ну бригадиру, который является столь же великим знатоком и усовершенствователем своего родного языка, как ваше

1755	Родилось			Женилось ³²		Умерло		
	мальчи- ков	девочек	итого	первым браком	вторым браком	мужчин	женщин	итого
Москва . . .	10602	8504	19106	12282	6141	8550	6639	15189
С. Петербург	3362	3207	6565	3620	1810	3593	1867	5460

высокоблагородие нашего, и тем самым имеет возможность разрешить вопрос основательнее и правильнее, чем я, поскольку я еще чужестранец во Израиле.

Среди дел, которыми князь Кантемир оказал услуги распространению учености среди своих соотечественников, есть одно, общее ему с вашим высокоблагородием; это — русский перевод фонтенелевских «Разговоров о множестве миров». Меня уверяли, что Фонтенель столь же мало потерял в своей живой и приятной манере мыслить и выражаться — в русском переводе, как и в немецком. Экземпляр, который я видел, весьма великолепно напечатан в четверку в 1740 году при Петербургской Академии и посвящен тогдашней императрице Анне Ивановне; хотя на самом титуле и сказано ясно, что книга была переведена еще в 1730 г.

Среди новейших поэтических явлений здесь в России наиболее примечательны; г-на советника и проф. Ломоносова (Lumanossoffs) в Петербурге «Ода» на рождение нашей юной великой княжны; и перевод «Опыта о человеке» Попа, который г-н проф. Поповский печатает здесь в Москве русскими стихами.

Так как мне известно, что ваше высокоблагородие любите знать, сколь велико в каждом городе ежегодное число родившихся и умерших, то я и решил поэтому прибавить здесь следующую таблицу рождений, браков и смертей за 1755 год по Москве и С.-Петербургу; сведения для следующих годов я возьму на себя труд также доставить вам.

Не доказывает ли эта таблица, что мы узнаем мир с другой стороны, чем раньше знали его, когда мы читали только дрезденские и лейпцигские новогодние сообщения?

³² Подразделения этой графы названы ошибочно; несомненно, имелось в виду: «число брачных союзов» и «число браков». — Прим. Ред.

Чтобы сказать еще одно слово о здешней зиме, — я должен признаться, что я нашел ее не столь ужасно жестокой, как ее всегда представляют себе в Германии, — если исключить 30-е и 31-е января ст. стилиа, когда, правда, была такая чудовищная стужа, какой я в Германии еще никогда не испытывал. Вообще к этой части России, в которой я теперь живу, чрезвычайно несправедливы, когда заявляют, будто она пребывает под вечным льдом. Напротив, она имеет перед другими странами, в отношении некоторых произрастаний такие преимущества, которые достаточно свидетельствуют о мягкости ее климата.

По поводу письма Кельнера замечу, что ответ «бригадира», т. е. Сумарокова, Готтшеду по вопросу о русском шрифте нам не известен.³³ Весьма показательно сообщение Кельнера о Ломоносове. Он настолько крепко связан с группой Миллера—Сумарокова, что последнего он прямо называет бригадиром, полагая, что его корреспонденту ясно, о ком идет речь, — а Ломоносова он даже фамилию пишет неправильно. Тем не менее он выделяет оду Ломоносова Елизавете Петровне «На пресветлый и торжественный праздник рождения ея величества и для всерадостного рождения государыни великой княжны Анны Петровны», поднесенную «от императорской Академии наук декабря 18 дня 1757 года в Санктпетербурге» (дочь Екатерины II Анна родилась 9 декабря 1757 года и умерла 8 марта 1759 года). Дело в том, что в этой оде Ломоносов говорил о войне, обрушивался на Фридриха II и скорбел о тяжелой участи Саксонии под игом пруссаков.

Ломоносов заявлял здесь, что Россия не ищет завоеваний («На что державы ей чужие!»), что цель Елизаветы в войне — «Чтобы род российской и соседы / В глубокой были тишине», что Елизавета Петровна скорбит душой, «Зря бури царством толь опасны» О Фридрихе II говорится:

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав
Царям наверхнуть тщится узы
Желание чужих держав

³³ Отмечу, что в кругу Готтшеда вообще интересовались вопросами реформ орфографии. О проектах изменения правописаний и алфавитов и в этой связи о профессоре Иог. Сигм. Поповиче, знакомце и противнике Готтшеда, см.: Lh. W. Danzel Gottsched und seine Zeit Auszüge aus seinem Briefwechsel Leipzig, 1848, стр. 302—303. Около того же времени Готтшед полушутливо писал Штелину в Петербург «Если бы господа русские отменили их удивительные буквы, не являющиеся ни латинскими, ни греческими, то многие здешние люди славянского происхождения легко изучили бы их язык и могли бы перевести с него кое-что. Но так, как они пишут, никто не может разобраться в этом» (K. Stahlin Aus den Papieren Jacob von Stahlins, Königsberg 1/Pf. und Berlin, 1926 стр. 389).

Творец, воззри в концы вселенны,
 Воззри на земли утесненны,
 На помощь страждущим восстань...

В этих стихах речь шла именно об утесненной и страждущей Саксонии. Несчастья Саксонии, оккупированной пруссаками, выдвигались русским правительством как политический и нравственный аргумент против Фридриха II. Ломоносов поддерживал в этом отношении и Саксонию, и правительство Елизаветы Петровны. Далее Ломоносов обращается с приветствием к союзнице Елизаветы Петровны, австрийской императрице, и выражает уверенность в том, что «обиды наглые» будут отомщены и что победа увенчает русское оружие.

Цензурная история перевода Поповского, вышедшего в свет в 1757 году, хорошо известна.

Что же касается таблицы рождений, браков и смертей в русских столицах, то дело в том, что Готтшед неоднократно печатал такие таблицы в «Новостях», но в них сообщались сведения лишь о городах Западной Европы, русские же города не были представлены. Замечу, что Кельнеру не удалось радоваться долго своему пребыванию в России, где, впрочем, у него были и неприятности, так как он (как и Рейхель) не поладил с известным Шаденом, противником готтшедовского направления; он умер 25 февраля 1760 года в Москве.

К июльскому номеру «Новостей» Готтшед приложил гравированный фронтиспис (такие гравюры прилагались к каждому номеру журнала), на котором была воспроизведена медаль в честь основания Московского университета.

В 1759 году журнал Готтшеда явно держался подальше от всякой политики; он наполнялся материалом сугубо академического и даже схоластического характера. Тем не менее в нем проскальзывали материалы, относящиеся к России или намекающие на нее. Так, на фронтисписе к первому январскому номеру журнала изображен, как сказано в объяснении на стр. 11, дворец, который княгиня Иоганна-Елизавета, вдова князя Ангальт-Цербстского, сестра шведской королевы и мать русской великой княгини (т. е. в будущем — Екатерины II) избрала своей вдовьей резиденцией и отстроила после пожара.³⁴

В мартовском номере (стр. 231 и сл.) помещена рецензия на книгу Шадена. В том же номере напечатана статья Штелина (анонимная) «Извлечение из письма из Петербурга, о тамош-

³⁴ Готтшед и его жена были в дружеской переписке с матерью Екатерины II (Karl Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählin's, стр. 386).

нем расцвете изящных наук и свободных искусств».³⁵ Здесь говорится о больших успехах искусств в России.

«Я составил об этом, — говорит Штелин — по случаю и по собственному опыту краткие *Mémoires pour servir à l'Histoire des beaux arts en Russie*, в которых охвачено время от Петра Великого по нынешний день. Если эта работа появится в свет, то все удивятся, какого высокого уровня достигли они (искусства) в короткое время. Русскую грамматику три года назад впервые напечатал здесь советник Ломоносов. Она уже распродана и вскоре должна быть снова издана. В настоящее время она переводится и на немецкий язык, чтобы дать иностранцам, с одной стороны, понятие о русском языке, с другой — руководство для его изучения. Риторика на русском языке того же автора появилась еще ранее. Его речи, стихотворения на случай и театральные произведения были недавно изданы вместе при Университете в Москве в двух томах в 4°.

«Г-н бригадир Сумароков дает каждый месяц что-либо из творений своей музыки в русский ежемесячный журнал. Он уже давно назначен директором русского театра, на котором в течение всей зимы каждый четверг исполняются трагедии и комедии с изрядным успехом. Совсем недавно молодой князь (*ein junger Knäs, oder Fürst*) Херемский (*Cheremsky*)³⁶ напечатал в Москве сочиненную им трагедию, названную „Венецианская монахиня“. Хвалят расположение этой трагедии и еще более чистоту ее стихов».

Далее идет отчет о деятельности Академии художеств при Академии наук.

Наконец в июльском номере (стр. 485—491) помещена рецензия на книгу по орнитологии Я. Т. Клейна, члена Петербургской Академии наук (изданную в Лейпциге в 1759 году). В 1760 году «Новости» не напечатали ничего, относящегося к России.³⁷ В это время журнал начал было вновь проявлять

³⁵ Эту статью-письмо Штелин послал Готтшеду еще в июле 1758 г. Ср. там же, стр. 138. Готтшед напечатал ее, по указанию Карла Штелина, с сокращениями.

³⁶ То есть Херасков.

³⁷ Отмечу попутно, что в январском номере 1760 года (стр. 46—53) помещена статья: «*Hr. Menard Untersuchungen uber die Spiegel der Alten. Aus dem 23-sten Bande der Geschichte der Acad. des Inscr. et Belles Lettres. Paris, Ausgabe übersetzt. Подпись под статьей: L. A. V. G., т. е. Luise Adelgunde Victoria Gottschedinn (жена Готтшеда). Очевидно, отсюда именно перевел Д. И. Фонвизин эту статью для журнала Рейхеля (который, вероятно, и указал ему материал для перевода) «Собрание лучших сочинений» (М., т. I, 1762, ч. 1, стр. 1—8). У Фонвизина статья называется: «Господина Менарда изыскание о зеркалах древних. Из тома 23 „Histoire de l'Académie*

саксонский патриотизм на монархический лад, но с оглядкой на Фридриха II и не без комплиментов ему.

В 1761 году Готтшед ничего не помещает в журнале о Фридрихе II. Зато в октябре (стр. 725—734) он печатает оду на день рождения саксонского курфюрста, прочитанную автором (Chr. H. Hasse) в Готтшедовском обществе ораторского искусства 7 октября 1761 года. И опять появляется материал о России.

В февральском номере (стр. 94—103) помещена рецензия на «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» Вольтера (т. I, 1761). Рецензент бранит Вольтера, упрекает его в плохом знании материала, указывает на неизвестных ему его предшественников в создании истории Петра, считает, что Вольтер легкомыслен, несерьезен и т. д.

В мартовском номере (стр. 200—207) напечатан отчет о «Слове о Петре Великом» Ломоносова, известном рецензенту в французском переводе барона Чуди. Это, насколько мы знаем вообще, первая печатная рецензия на художественное произведение Ломоносова. Рецензия озаглавлена: «Panegyrique de Pierre le Grand, prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences le 26 avr. 1755 par — Mr. Lomonosow, conseiller professeur de cette Académie, trad. sur l'Original Russien, par Mr. le Baron de Tschoudy. Imprimé à St. Petersburg in 4°». Вот ее текст:

Так как мы внимательно относимся к изящным наукам у наших соседей и у отдаленных европейских народов, то мы не можем обойти молчанием опыты красноречия, изложенные на их языках. Русский язык еще 50 лет назад не был настолько богат и гибок, чтобы можно было на нем упражняться в красноречии. Однако благодаря чудесным делам великого императора Петра I и счастливому продолжению его начинаний при его вдове Екатерине и его достойной дочери Елизавете этот язык сделался способен не только к стихотворству, но и к красноречию. Вот и говори после этого, что климат создает дух, умы и языки народов или управляет ими.

Г-н советник Ломоносов полностью доказал в этой речи, что его дарование — и в холодном петербургском климате — нисколько не лишено ораторского огня. Мы можем быть благодарны искусству г-на барона фон Чуди, за то что мы получили возможность прочитать русский текст и во французском переводе, — так же как различные другие русские сочинения появились в немецком переводе. Мы дадим нашим читателям наряду с сообщением краткого содержания некоторые образцы этого произведения, — и предоставим им судить о нем.

des Inscriptions et Belles Lettres». Перевод очень близок к тексту Луизы Готтшед; Фонвизин отбросил лишь ссылки на источники. Напомню, что в эти годы Фонвизин переводил именно по преимуществу с немецкого, который он тогда знал лучше французского.

Далее — перевод начала, весьма приблизительный: «Мы пропускаем здесь кусок, которые не хуже, чем предыдущий, для того, чтобы привести отрывок, следующий вскоре за сим, еще более трогательный». На стр. 5 говорится, после еще одного отрывка перевода текста: «Но и здесь мы должны прервать цитату, чтобы подойти к главной теме. На стр. 9 оратор переходит от великой дочери к ее великому отцу» (большой отрывок текста). «Теперь наши читатели сами могут судить, сколь мужественной силой и сколь хорошим вкусом обладает этот русский оратор».

В 1761 году материал, связанный с Россией, появлялся в «Новостях» неоднократно, но материал этот был малозначителен и весьма невыразителен. Видимо, бурные события последнего года войны Пруссии с Россией привели Готтшеда в смятение.

В мартовском номере (стр. 208—215) появилась хвалебная рецензия на изданную в Петербурге на латинском языке работу академика Эпинуса «*Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi. . .*»

В майском номере (стр. 361—366) — ругательная рецензия на книгу «*Geschichte der Staatsveränderungen im russischen Reiche, aus dem Französischen des Hr. advocaten Lacombe übersetzt. Leipzig, 1761*».

К сентябрьскому и ноябрьским номерам «Новостей» приложены гравированные фронтисписы, изображающие фасады зданий Академии наук в Петербурге (два — отсутствующие в настоящее время, третий — кунсткамера). «*Gebäude der kaiserlichen Academie der Wissenschaften, Bibliothek und Kunstkammer in St. Petersburg. . . gedruckt in St. Petersburg, bey der kaiserl. Acad. der Wissenschaften in 4° mit Kupfern*».

Здесь дана краткая история Академии с похвалами ей, как и гимназии при ней, состоящей «при ней же» Академии художеств, библиотеке и другим учреждениям Академии. В конце: «Пользуясь настоящим случаем, сообщаем мы нашим читателям и стихотворение, написанное одним здешним ученым по желанию одного высокого лица в Петербурге, о бессмертном императоре Петре Великом; автор был щедро вознагражден за стихотворение, однако оно, насколько нам известно, не было еще опубликовано».

Из этой публикации «Новостей» видно, что журнал Готтшеда имел прямые сношения с Петербургом до самого конца войны и что он — тоже до конца ее, — где только мог, заявлял о своих симпатиях к России и русской государственности и культуре.

В октябрьском номере (стр. 798—800) помещена рецензия на труд члена Петербургской Академии наук Клейна о камнях, изданный в Петербурге на латинском языке в 1758 году. Зачем и почему журнал Готтшеда вспомнил об этой книге через три года, неясно: оттого ли, что самая книга случайно дошла до Лейпцига лишь в 1761 году (что мало вероятно, так как журнал откликнулся все эти годы на книги, вышедшие в России, без больших опозданий), или Готтшеду надо было еще раз напомнить о науке в России?

В том же номере (стр. 787—798) напечатана сводная рецензия на два немецких перевода «Истории Русского государства при Петре Великом» Вольтера, вышедших в 1761 году (первый перевод полный; второй, выполненный Губе под редакцией и с примечаниями Бюшинга, — I том; второй том, как известно, вышел в 1763 году). Рецензент указывает по поводу перевода Губе, что Бюшинг в предисловии к нему пишет, что Вольтер «очень плохо использовал полученные от г-на ген.-лейт. и камергера Шувалова известия из русских архивов и многое присочинил». Рецензент пишет далее о том, что сделанные Бюшингом в переводе Губе исправления Вольтеровых «исторических ошибок основаны большей частью на Sammlung russischer Geschichte г-на профессора Миллера; этот ученый и знаменитый муж мог бы дать гораздо лучшую историю Петра Великого, чем все Вольтеры на свете».

В конце 1761 года умерла Елизавета Петровна. Война окончилась. В мартовском номере «Новостей» за 1762 год (стр. 165—174) помещены весьма «верноподданнейшие» статья и кантата о торжестве по случаю возвращения в Лейпциг саксонского курфюрста после долгого отсутствия во время войны.

В июне 1762 года взошла на престол Екатерина II. Начинаясь новая полоса внешней политики России. Журнал Готтшеда не теряет ориентации на Россию. В его июньском и июльском номерах (стр. 427—439 и 502—514) помещена большая статья знаменитого Бюшинга о новой школе при церкви св. Петра в Петербурге (школа эта должна открыться 1 октября 1762 года). Статья включает развернутое обоснование педагогической системы школы и план ее работы; она замечательна как один из ранних трактатов, относящихся к истории теоретической и практической педагогики в России. В редакционном примечании к статье сказано, что она прислана из Петербурга. В конце статьи помета: «Ст. Петербург, 5 июня 1762 г.». Напомним, что географ А. Ф. Бюшинг приехал в Петербург во время семилетней войны, в 1760 году, чтобы занять место

пастора церкви св. Петра; он преобразовал школу при этой церкви (существовавшую уже около полувека); эту-то преобразованную школу он и собирался открыть 1 октября. Из России Бюшинг уехал в 1765 году, не поладив с Минихом, стоявшим во главе церковного совета церкви св. Петра.

В октябрьском номере «Новостей» (стр. 765—779) Готтшед поместил статью о речи своего друга Рейхеля, произнесенной в Москве во время коронации Екатерины II.

В статье речь Рейхеля приводится целиком. Затем сказано: «Эта же речь переведена на русский язык и отпечатана в Москве так же, как немецкая, столь чисто, красиво и великолепно, что мы едва ли могли бы изготовить в Лейпциге что-либо лучшее».

Едва ли надо напоминать, что речь Рейхеля, написанную им на латинском языке и переведенную им же самим на немецкий, на русский язык перевел его ученик Денис Иванович Фонвизин.

В ноябрьском номере «Новостей» (стр. 800—837) помещена рецензия на французскую поэму Менвиллера о Петре Великом: «*La Pètreade, ou Pierre le Créateur, poème par M. G. Chevalier de Mainvillers. Amsterdam, 1763*».³⁸

Рецензент сурово порицает поэму как нарушающую нормы и правила классицизма.

Наконец, к декабрьскому номеру журнала приложен фронтиспис, на котором изображена медаль Баварской Академии наук 1759 года и тут же монета с портретом Петра III и надписью на лицевой стороне: «Петр III Б. М. (божиею милостию) самодерж. всерос. Спб.» и на оборотной: «Мон. цена десять руб. импрская россіс. — 1762». Трудно сказать с уверенностью, каков смысл этого напоминания о недавно убитом императоре; во всяком случае, этот смысл не мог не быть весьма неприятным для Екатерины II и, очевидно, не сводился к публикации облика редкой монеты для сведения нумизматов-коллекционеров. Журнал Готтшеда позволил себе выпад против Екатерины. Было ли причиной тому то, что русская царица уже готовилась отнять Курляндию у сына саксонского герцога и, более того, отнять Польшу у потомства этого герцога; или же причина была в том, что вообще надежды на русский императорский двор со стороны Саксонии не оправдались, — неясно. Декабрьский номер 1762 года был последним номером журнала. Готтшед закрыл его.

³⁸ Это издание помечено 1763 годом как, якобы, второе издание поэмы; первое — помечено 1762 годом; однако никакого второго издания не было — просто перепечатан титул; см.: R. Minzloff. *Pierre le Grand dans la littérature étrangère. St. Petersburg, 1872, стр. 489.*

В заключение следует обратить внимание на то, что если русские литераторы следили за «Новостями» Готтшеда, то они могли почерпнуть из этого журнала много любопытных для них сведений и материалов. Между тем не может быть ни малейшего сомнения в том, что они следили за изданием Готтшеда. Так, его не мог не знать Фонвизин, ученик и друг Рейхеля, а стало быть и Херасков, и другие литераторы Московского университета. Его не мог не знать Сумароков, сотрудник его, член Общества, его издававшего, приятель Миллера. Его не мог не знать Ломоносов, друг Штелина.

В этой связи существенна систематическая и ожесточенная полемика, которую вел в 1752—1754 годах журнал Готтшеда с Клопштоком, «швейцарцами» и их последователями. Борьба Готтшеда с «новшествами» хорошо известна. В «Новостях» в 1752 году в январе (стр. 62) помещена статья о христианских эпопеях — против «Мессиады», в марте (стр. 205) — статья «о героическом стихе наших новых библейских эпопей», того же направления; в апреле (стр. 261) — статья, излагающая некую английскую книгу о Мильтоне, где доказывается, что этот самый Мильтон, прославленный новаторами, кумир их, — просто ничтожество и величайший литературный вор (так прямо и говорится); в мае (стр. 341) — продолжение этой статьи и в конце ее выпад против «Мессиады»; в мае (стр. 386) — статья о «Мессиаде»; в июне (стр. 446) — «письмо» против новшеств в поэзии, против Клопштока, и при «письме» пародия на оды Клопштока с ироническими примечаниями; в июле (стр. 519) — рецензия на латинскую книгу Штуса о христианской эпопее, причем резко задет Клопшток (стр. 531), в октябре (стр. 776) — заметка и пародирование од Клопштока. В 1753—1754 годах — опять пародии, статьи, нападения на Клопштока (1753, октябрь, стр. 768—775; 1754, февраль, стр. 122—128, 668); стихи Шённайха, прославляемого журналом и противопоставляемого им Клопштоку, — тоже против новшеств («Die Kleinigkeit», 1754, март, стр. 238).³⁹

Таким образом, уже в начале 1750-х годов русские писатели не могли не знать обстоятельно о новаторской поэзии Клопштока и явлениях, близких ей. Поэтому неправильно поступают те историки русской литературы, которые так уверены в провинциальной отсталости русских поэтов XVIII века, что не допу-

³⁹ Замечу, что и в сборнике «Sammlung einiger Ausgesuchten Stücke der Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig» Готтшед поместил анонимную статью против «Мессиады» «Eines abwesenden Mitglieds der Gesellschaft der freyen Künste Bemerkung einiger Ursachen, warum das Heldengedicht „Messias“ nicht allgemeinen Beyfall erhalten hat?» (Teil II, 1755, стр. 434—451).

скают мысли о возможности аналогий гекзаметру «Тилемахиды», логоэдам и вольным ритмам Сумарокова в опытах Клопштока.

«Новости» Готтшеда пропагандировали творчество Каршин (например, 1761 год, декабрь, стр. 929 и сл.); ср. «Песню» — послание Сумарокова к этой поэтессе. В литературной позиции «Новостей» немало сходного с позицией Сумарокова и поэтов его школы.⁴⁰ Тут нет, конечно, вопроса о «влиянии» Готтшеда и его журнала; но вопрос об аналогиях процессов, самостоятельно происходивших в русской литературе и в других европейских литературах середины XVIII века, при всех отличиях и национальных своеобразиях той и других, заслуживает внимания. Этот вопрос может подвести нас и к другому, важнейшему — о самостоятельных путях, которыми пришла русская литература уже во второй половине XVIII века к своим великим завоеваниям. В творчестве Фонвизина она сказала новое, неведомое Западу, слово в мировой драматургии; в творчестве Державина — новое слово в мировой поэзии; творчество Радищева выдвинуло ее на самое передовое место в сфере важнейших философски-политических завоеваний человечества. Эти создания русских гениев были глубоко национальны, и именно потому мы ясно видим их интернациональное значение и определяем их место в ряду созданий гениев всех народов.

⁴⁰ См., например, выписки из книги «Maximes adressées à Mlle de B. par une Demoiselle de 13 ans». Gotha, 1753 («Новости», 1753), стр. 879: «Leset keine Romane. Sie verderben den Verstand, und machen ihn abentheuerlich», или см. в 1751 году (стр. 391) статью-речь «О вопросе: следует ли в театральных произведениях всегда представлять добродетель награжденною и порок наказанным». Ср. также статьи из книги Гельвеция «Об уме» в «Невинном упражнении» (1763) с пропагандой этой книги в «Новостях».